

Джордано Бруно - героический энтузиаст

©, Кудрявцев А.В, 2004

"Мне говорят, что я своими утверждениями хочу перевернуть мир вверх дном.

Но разве было бы плохо перевернуть перевернутый мир?"

Джордано Бруно.

Поэтика Аристотеля и стихотворения Джордано Бруно

Общий принцип методологии - методы поиска нового возникают там, где нестандартность работы сочетается с массовостью реализаций. Этой нестандартной, но массовой работой в первой половине двадцатого века стало техническое изобретательство. В другие времена методологические разработки совершались в связи с иными объектами приложения человеческого разума.

В самом начале 16 века в Италии после долгого забвения вновь открыли "Поэтику" Аристотеля. Открытие вызвало большой интерес - оказывается, существует полная теория того, что и как должен делать поэт! Это было важно - ведь умение сочинять стихи входило в обязательный набор талантов просвещенного молодого человека. Люди в то время упивались стихосложением, в Италии процветали многочисленные школы поэтического искусства. И теперь, когда появилась столь полная теория вопроса - крепость творчества должна была покориться раз и навсегда. Поэтические бессонницы отходили в прошлое и любой грамотный человек, достаточно упорный, чтобы освоить всю систему Аристотеля и последовательно применить ее в конкретной разработке, мог рассчитывать на успех в деле создания столь востребованного обществом продукта. Надо отметить, что Аристотель стал кумиром не только учителей поэтической молодежи, его многочисленные произведения лежали в основе университетской и монастырской мудрости. Аристотель был непрекаемым авторитетом всего католического мира.

Правда, наряду с восторженным почитанием постепенно оформилось и критическое направление. Одним из наиболее ярких его представителей был Джордано Бруно, скитавшийся по Европе беглый монах со вздорным характером, зарабатывающий себе на жизнь обучением стихосложению, мнемотехнике и изобретательности. (Бруно обладал феноменальной памятью, приводившей в изумление окружающих, юного Джордано даже возили в Рим, чтобы он смог продемонстрировать свою память перед папой - Пием - V. Еще он был выдумщиком и замечательным поэтом, чем сильно отличался от многих учителей поэтического искусства своего времени).

*Что в сердце раскрываю иль таю,
Льнет к красоте, но скромность отдаляет;
Я тверд, но вдруг чужое увлекает
И к ложной цели душу мчит мою.
Стремлюсь к добру - встречаю преткновенье;
Уходит солнце, чуть лишь сблизусь с ним;
Когда ж я с ним, то не с собой самим;
Порву ль с собой - вкушаю с ним сближенье;
За миг покоя - долгое мученье;
Чуть встречу радость - уж тоской томим;*

*Взгляну ль на небо - становлюсь слепым;
Ищу ль богатство - чую оскуденье.
Мне горько счастье, боль сладка - и вом,
Идя ко дну, ум в небеса взлетает,
Необходимость держит, цель ведет,
Судьба гнетет, стремленье ввысь бросает,
Желанье шпорит, страх уздой берет,
Тревога мчит, опасность замедляет.
Цель, случай ли - кто знает? -
Даст мир и принесет конец борьбе,
Раз гонят здесь, а там зовут к себе?*

(Это одно из прелестных стихотворений Джордано Бруно. Все - таки согласитесь - творчество, это не просто строчки, зарифмованные "по правилам". Более того, как мы увидим ниже, настоящие поэты - еще и великие прорицатели).

Чем не устраивал критиков Аристотель

Чем же не устраивал критиков Аристотель? Великий учитель древности, ученик Платона, воспитатель Александра Великого. Основатель Ликея, человек, написавший обширные и систематизированные сочинения практически по всем областям знания, известным грекам. За что его критиковали? Говоря коротко - за жесткость построенной системы, в которой все было заранее расписано и предопределено, за то, что система эта была во многом искусственной, не соответствовала реальности, возводила в абсолют отдельные факты. За то, что он, как говорил Ф. Бэкон, погубил своих братьев - философов, дабы уверенно господствовать подобно Константинопольскому султану...

Бруно пишет об Аристотеле:

"Он сделал свою мысль бодрствующей для того, чтобы стать не созерцателем, но судьей, выносящим суждения о вещах, которые он никогда не изучал и не хорошо понял. Так в наши времена в то немногое хорошее, что он принес, - а именно: в учение об уме изобретательском, судящем и метафизическом, - деятельность других педантов, ... внесла новые диалектические приемы и модусы для составления суждений, и эти приемы настолько же ниже aristotelевых, насколько, быть может, философия Аристотеля неизмеримо ниже античной. Впрочем, это произошло оттого, что некоторые грамматики, одряхлевшие на кухнях школьников и занимавшиеся анатомированием фраз и слов, захотели взбодрить мысль, создавая новые логические и метафизические приемы, вынося приговоры и мнения о том, чего никогда не изучали и чего по сей день не понимают. Таким образом, как это следует из сказанного, с помощью невежественной массы (к уму которой они более приспособлены) они могут так же погубить гуманистические взгляды и логические приемы Аристотеля, как этот последний сделался мясником иных божественных философских учений.

Уже упоминавшийся Ф. Бэкон, человек несомненно более светский и выдержаный, чем Бруно, публично объяснял свое отношение к теориям Аристотеля следующим образом: - "испытал разочарование в философии Аристотеля; и не из - за никчемности автора, к которому... всегда относился с величайшим уважением, а из - за бесполезности метода; aristotelевская философия хороша только для научных диспутов, но она бесплодна в том, что касается конкретной пользы для жизни людей". Бруно не столь выдержан, он все стремится назвать "своими словами".

Эта критика, очень жесткая по форме, основана на прекрасном знании материала. Бруно начинал свой путь к вершинам науки в доминиканском монастыре, где провел 15 лет

именно за изучением трудов Аристотеля, и его последователя - Фомы Аквинского. Первоначальный юношеский энтузиазм постепенно сменяется глубоким и горьким разочарованием, авторитарная система вступает в противоречие с творческой натурой и в 28 лет Бруно уходит из монастыря. Впоследствии он постоянно возвращался к Аристотелю в своих работах, не упуская ни одного случая для его критики. И уж конечно, отцу наук доставалось за его поэтические изыскания.

Вот диалог, которым начинается одно из программных произведений Джордано Бруно "О героическом энтузиазме". Беседуют два героя - Чикада и Тансилло.

Чикада. Существуют некоторые сторонники правил поэзии, которые с большим трудом признают поэтом Гомера, а Вергилия, Марциала, Овидия, Гесиода, Лукреция и многих других относят всего только к числу стихотворцев, применяя к их изучению правила "Поэтики" Аристотеля.

Тансилло. Знай же, братец, что это сущие животные, ведь они рассматривают те правила не как то, что главным образом обслуживает образность гомеровской поэзии или иной подобной, а обычно применяют эти правила для того, чтобы обрисовать героического поэта таким, каким был Гомер...

Чикада. Ведь и Гомер, в его собственном роде, не был поэтом, зависевшим от правил, но сам был причиной правил, которыми пользуются лица, способные скорее подражать, чем творить; и они заимствуют эти правила у того, кто вовсе не был поэтом, а умел лишь выбирать правила одного рода, а именно - гомеровской поэзии, чтобы обслужить того, кто желал бы стать не каким-либо иным поэтом, а только Гомером, и не с собственной музой, а с обезьяней чужой музы.

Тансилло. Ты сделал хорошее умозаключение, а именно то, что поэзия меньше всего рождается из правил, но, наоборот, правила происходят из поэзии; поэтому существует столько родов и видов истинных правил, сколько имеется родов и видов настоящих поэтов.

Чикада. А как можно узнать настоящего поэта?

Тансилло. Распевая стихи, - потому что когда их распевают, то либо развлекаются, либо извлекают пользу, либо же одновременно и получают пользу и развлекаются.

Чикада. В таком случае кому же нужны правила Аристотеля?

Тансилло. Тем, кто не умеет, как это умели Гомер, Гесиод, Орфей и другие, сочинять стихи без правил Аристотеля и кто, не имея своей музы, хотел бы иметь любовные дела с музой Гомера.

Чикада. Значит, неправы кое-какие педанты нашего времени, исключающие из числа поэтов тех, которые не употребляют общепринятых фабул и метафор, или не применяют в книгах и в песнях правил, соответствующих гомеровским или вергилиевским, или не соблюдают обычая делать призыв к музам, или связывают одну историю либо басню с другой, или кончают песни эпилогом, подытоживающим уже сказанное, и начинают введением, говорящим о том, что будет сказано далее; всех таких они исключают из числа поэтов, применяя еще тысячи иных способов исследования, порицания и правила, основанные на таком-то тексте.

Оттого педанты эти как бы навязывают заключение, что сами они могли бы (если бы им пришла фантазия) стать истинными поэтами и достичь таких успехов, каких другие только силятся достичь; однако в действительности они - всего лишь черви, не пригодные ни для чего хорошего и рожденные только для того, чтобы грызть, пачкать и загаживать труды и усилия других; они не в силах стать знаменитыми благодаря своим собственным заслугам и уму, и поэтому всеми правдами и неправдами они пытаются выдвинуться вперед на чужих ошибках и пороках".

Буквально из одной страницы мы узнаем, что поэзия не рождается из правил, но правила рождаются из поэзии; что хороший поэт познается только на практике (его должны "распевать"); что преподаватель творческих дисциплин должен подтверждать свой

уровень собственными работами, а не пересказом авторитетов. Людей, нарушавших эти нормы, Бруно называет педантами и как видно из текста, не особенно с ними церемонится.

"Что они успели, какие обычай сами вводят и внушают другим в делах справедливости, милосердия, сохранения и увеличения общественных благ? Воздвиглись ли благодаря их доктрине и учительству академии, университеты, храмы, больницы, коллегии, школы и заведения для искусства и науки, или же где все это раньше было, так и осталось по прежнему со столькими же факультетами, как до их прихода и появления меж людьми?"

Естественно, "педанты" отвечали ему взаимностью. Современник отмечал, что на протяжении долгих лет Бруно вел с ними "жесткую и внешне несчастливую борьбу". Были, конечно, и победы. Так, Бруно возродил художественную форму философии. Господствовавшая схоластическая традиция делала философов нечитаемыми, непонятными. Тексты Бруно почти всегда предельно художественны. Его борьба за высокую поэзию, не обремененную жесткими правилами, сама воспринимается как поэтическое произведение. Вот, например, возражение против широко распространенной схемы "двух венков" - делению поэтов на лирических (их полагалось украшать венками из мирта) и героических (им предназначались венки из лавра)

"...существует и может существовать столько родов поэтов, сколько может быть и сколько имеется способов человеческого чувствования и изобретательности, которые могут быть украшены гирляндами не только из всевозможных родов и видов растений, но также и из других родов и видов материи. Поэтому венки для поэтов делаются не только из миртов и лавров, но также из виноградных листьев за стихи для празднеств, из плюща - за стихи для вакханалий, из масличных листьев - за стихи для жертвоприношений и законов, из тополя, вяза и лаванды - за стихи на возделывание земли, из кипариса - за стихи погребальные и еще из несчетного множества иных материалов по многим другим обстоятельствам..."

Итак, Бруно - борец против закостенелых схем, подменяющих собой творчество. Но в чем же он видит выход, что предлагает своим ученикам и последователям? Иными словами - что отличает Бруно - методолога? Еще раз определим предметы, на которые направлено его внимание: это поэзия, искусство памяти, изобретательность. (Именно эти дисциплины приехал он преподавать знатному венецианцу Джованни Мочениго, который очень скоро и "сдал" его священной инквизиции).

В чем же Бруно видит выход?

Первое и основное - искусство памяти - мнемотехника. Память - это важный ресурс ученого человека в условиях крайнего дефицита и дороговизны книг. Традиция проведения многочасовых диспутов требовала от участников обильного цитирования, указания по памяти точных ссылок на параграфы канонических текстов. Бруно предлагает улучшить память с помощью формирования внутри человека "книги мира". Главный инструмент здесь - таблицы и система [Раймунда Луллия](#), иными словами - классификационный подход к внешнему миру. Вслед за своим учителем, Бруно повторяет, что человек, выходящий из дома, должен нести с собой полную модель окружающего, с тем, чтобы все случающееся накапливать на уже созданных полочках. Такая комплексная модель описывается им в ряде работ посвященных мнемотехнике. Наиболее полно она описана в книге "О тенях идей". (Работа настолько хороша, что французский король разрешает посвятить ее себе. Но, как часто это бывает, расцвет системы означает и начало ее заката. Все более широкое распространение книгопечатания делает в 17 веке искусство памяти уже не столь нужным, а впоследствии сводит его к служебному, вспомогательному).

Однако в 16 веке мнемотехника еще в фаворе. О Луллии и его системах разговор предстоит особый, а пока зафиксируем, что Бруно учил систематическому описанию мира, тренировал людей видеть в происходящем некие общие, типические черты, учил находить в сиюминутно происходящих событиях элементы и характеристики общего. И, конечно, он активно использует для запоминания такой ресурс как образность.

"То, что можно почувствовать, всегда сильнее возбуждает память и скорее запечатлевается, нежели интеллектуальное".

Отметим еще, что доступ в крупнейшие университеты и научные сообщества Бруно имел именно как полномочный представитель Луллиева искусства, интерес к которому в шестнадцатом веке был повсеместным. Но что важного было в мнемотехнике для него самого? Бруно как приверженец Платона следовал его высказыванию "Знание есть не что иное, как припоминание". Человек вспоминает, даже если он придумывает, ибо по настоящему все уже существует в великой системе Вселенной. Вот это и было самым важным для Бруно - он считал, что понимание роли и места вещи в мире, требуемое в его мнемотехнике, ведет к управлению этой вещью - к магии.

Важной характеристикой Бруно - методолога является приверженность к выявлению различий, противоречий, их обострению, доведению до катастроф.

"Начало, середина и конец, рождение и завершение всего, что мы видим, движется от противоположностей через противоположности в противоположностях к противоположностям, и там, где есть противоположность, там также действие и противодействие, там движение, различие, многообразие, порядок, ступенчатость и прогресс".

"Вот колесо времени, движущееся вокруг собственного центра, и подпись: Движуясь, оставаясь на месте. ... Это значит, что движение происходит в круге, где движение совпадает с покоям, имея в виду, что вращение вокруг своей оси и своего центра включает покой и неподвижность прямолинейного движения или же покой целого и движение частей, а в частях, движущихся по окружности, воспринимаются два различия в движении, поскольку одни части последовательно поднимаются к вершине, другие спускаются с вершины вниз, одни доходят до средних дистанций, другие же достигают крайностей высоты и спуска".

При этом он указывает на существование различных вариантов реализации противоречий.

"Например, когда в двух местах и местопребываниях противоположности поднимаются и опускаются и, наоборот, когда в целостном составе из-за различия склонностей различных частей и разницы их расположений одновременно идет подъем и снижение, продвижение и отступление, уход от себя и замыкание в себе".

В своих сочинениях Бруно классифицирует противоречия, делит их на три рода:

"первое - страсть и действие в сопоставлении с другой страстью и другим действием, как, например, холодные надежды и горячие желания; второе - те же самые страсти и действия в самих себе не только в разное, но в одно и то же время, например, когда каждая не довольствуется собой, но ждет еще другой и одновременно любит и ненавидит; третье противоречие - между силой, которая преследует и стремится к своей цели, и объектом, который убегает и ускользает".

Бруно постоянно демонстрирует прекрасное, глубокое знание диалектики. Он указывает:

"противоположное не тождественно с положительным и частичным, противоречивым, разнообразным, различным, другим, разделенным, различенным и разным".

"Вот, значит, каковы приправы, при помощи которых ученье и искусство природы делают так, что человек мучается ради наслаждения тем, что его уничтожает, бывает доволен в мучениях и страдает среди всяких удовольствий. Это значит, что абсолютно ничего не делается из мирного начала, но все возникает из противоположных начал через победу и господство одной из противоположных сторон; и нет радости зарождения одной стороны без горести разложения другой, и там, где рождающие и разлагающие стороны соединены, как бы обретаясь в одном и том же сложном субъекте, там находится вместе и ощущение удовольствия и ощущение печали"

Можем отметить и ясное понимание механизмов снятия противоречий, и формирование перечней предназначенных для этого приемов.

*"всякое противоречие разрешается дружбой противоположностей либо в итоге победы одной из них, либо в итоге гармонии и взаимных уступок, либо же в итоге какого-нибудь иного превращения; всякий спор сводится к согласию, всякое многообразие - к единству".
"Кто хочет познать величайшие тайны природы, тот пусть наблюдает и разбирается в самых малых и самых больших величинах крайностей и противоположностей. Глубокая магия состоит в том, чтобы уметь, найдя точку соприкосновения, вывести одну крайность из другой".*

И снова речь идет о магии, однако, уже о магии внутреннего умения, возможностей разума, рассуждения, вывода знаний.

Наиболее подробно противоположности и возможности их совпадения были исследованы в книге "О причине, начале и едином". Но, воспринимая и учитывая движение, изменение, Бруно не считает его идеалом, к которому надо стремиться.

"Движение есть изменение; то, что движется, делается все иным и иным; то, что становится таким, всегда иначе существует и иначе действует; поэтому уразумение и склонности обусловлены причиной и условиями субъекта. И тот, кто рассматривает это иное и иное и все иначе и иначе, тот должен быть неминуемо слеп к красоте, которая всегда одна и единственна и является одним и тем же единством и сущностью, тождеством".

Идеал по Бруно это завершенность, а следовательно, неподвижность, покой. Конечно, это совершенно естественно для вечного скитальца. Но понятие идеала этим не исчерпывается.

"Вместо этой Короны Вещественной да будет Корона идеальная, передаваемая до бесконечности, так что от нее могло бы возникнуть бесконечное множество других, в то время как сама она ни на йоту не уменьшается и не умаляется...".

Итак, идеал - это еще и факел, от которого можно зажечь тысячи других - это идеал передаваемого знания, нерастрачиваемый ресурс.

Бруно постоянно возвращается к проблеме, вытекающей из его понимания идеала. Ведь для активного поиска истины нужны страсти.

"Подъем происходит в душе от способности и толчка крыльев, то есть от интеллекта и интеллектуальной воли, посредством которых она, естественно, настраивается и стремится к Богу как высочайшему благу и первой истине, абсолютной доброте и

красоте, так же как каждое дело, естественно, имеет порыв, с одной стороны, назад, к своему началу, с другой - вперед, к своей цели и совершенству".

Но страсти мешают найти истину, увидеть ее. Истина требует неподвижности, так как сама олицетворяет законченность, совершенство.

"Поэтому надо сказать, что страсти в сильнейшей степени могут мешать восприятию истины, хотя те кто охвачен ими, не замечают их, как это случилось с глупым больным, который не сказал, что у него горько во рту, но сказал, что горька пища".

"Таковы те, которые любят, прежде чем понимают; в итоге - у них получается так, что все представляется им окрашенным цветом их привязанности; а ведь у того, кто хочет познать истину путем созерцания, мысль должна быть совершенно чиста".

"Как вы хотите, чтобы неподвижность, устойчивость, сущность, истина были включены в то, что всегда становится все иным и иным и делает всегда все иначе и иначе? Какая истина, какой портрет может быть написанным и запечатленным там, где зрачки очей растекаются водой, вода - паром, пар - пламенем, пламя - воздухом, а воздух претерпевает одно изменение за другим, без конца проходя через субъект чувства и познания в кругу изменений в бесконечности".

Это противоречие Бруно разрешает также в собственной системе координат. Начинающий исследователь проявляет внешнюю активность. Переходя на все более высокие ступени познания мира, он начинает приближаться к Истине с помощью все более идеальных инструментов. Но что же такое сама Истина?

"Об умственной пище надо сказать, что ею может быть лишь то, чего ум сильно желает, ищет, принимает и вкушает охотнее, чем что-либо иное, в силу чего он наполняется, удовлетворяется, получает пользу и становится лучше,- а это и есть истина, о которой в любое время, во всяком возрасте и во всяком состоянии, в каком находится человек, он всегда мечтает и при помощи которой презирает всякую усталость, выносит всякое усилие, не обращает внимание на тело и ненавидит эту жизнь. Так как истина есть дело бестелесное, и так как никакой истины, ни физической, ни метафизической, ни математической, нет в теле, то отсюда вы видите, что вечная человеческая субстанция не находится в индивидах, которые рождаются и умирают. Специфическое единое, говорит Платон, а не численное множество составляет субстанцию вещей. Вот почему я называю идею единственным и многим, устойчивым и подвижным, потому что как вид нетленный она есть вещь умопостигаемая и единственная, а как сообщающаяся с материей и подверженная движению и зарождению - есть вещь чувственная и множественная".

В этом определении очень интересно и важно выделение двух систем, к которым одновременно относится идея. Подставьте на место "идеи" понятие приема, стандарта и получите совершенно сегодняшнюю формулировку. Прием един, но реализации его, зависящие от материального исполнения, могут отличаться.

Задается также определенный идеал творчества. Истинный творец формирует требуемый порядок "не в какой нибудь последовательности, но вместе и сразу".

"он не создает... каждую вещь отдельным творческим актом, бесконечным количеством усилий творя бесконечное количество дел, но все прошедшее, настоящее и будущее творит простым и единичным актом".

"Приходит Благоразумие и бросает в урну не более двух - трех имен, приходит София и кладет туда четыре - пять, приходит Истина и оставляет там одно".

Техника поиска Истины занимает огромное место в работах Бруно. В частности он активно работает над классификацией способов поиска Истины, рассматривая подходы различных школ и течений.

"В действительности же мы видим, что существует многообразие созерцателей и исследователей, в силу того что одни (согласно навыкам их первых и основных дисциплин) действуют при помощи чисел, другие - при помощи фигур, третьи - системой порядков и ее нарушениями, четвертые - сочленением и расчленением, пятые - отделением и сочетанием, шестые - исследованиями и сомнениями, седьмые - дискуссиями и определениями, восьмые - толкованиями и разъяснениями мнений, терминов и речений. Так возникает многообразие созерцателей, которые с разными страстью отдаются изучению написанных мнений и применению их в действии; а в итоге получается, что один и тот же свет истины, выраженный в одной и той же книге одними и теми же словами, используется многочисленными различными и противоположными sectами".

И еще:

"Следовательно, мы согласны в том, что человеческая душа имеет свет, изобретательский ум и инструменты, годные ей для охоты.

Здесь помогает созерцание, тут приходит на помощь логика, самый подходящий орган для постижения истины, чтобы различать, искать и судить.

Затем путь идет, бросая свет на лес вещей природы, где столько объектов находятся в тени и под покровом и где, как в густом, глубоком и пустынном уединении, истина обычно пребывает в ямах и пещерных убежищах, заросших колючками, скрытых лесистыми, шершавыми и густолиственными растениями, куда с полным основанием то, что более достойно и превосходно, чаще всего укрывается, завуалируется и очень тщательно прячется, наподобие того как обыкновенно мы скрываем главнейшие сокровища, особенно старательно и заботливо, чтобы их не могли без особого труда открыть толпы разных охотников (из которых одни более, а другие менее искусны и опытны).

Тут приближается Пифагор, отыскивая истину при помощи отпечатлевавшихся в вещах природы следов и признаков, чисел, показывающих ее шествие, причины, модусы и действия в некоторых способах, потому что в исчислении единиц, размеров, времени или веса истина и бытие находятся во всех вещах.

Здесь подходят Анаксагор и Эмпедокл, которые, принимая во внимание, что всемогущее и всеродящее божество наполняет все, не находили ничего настолько малым, чтобы не считать, что под ним не была скрыта истина со всеми основаниями, хотя они выдвигали всегда истину там, где она была преобладающей и выраженной в более великолепных и высоких основаниях.

Тут халдеи искали её при помощи отрицания, не зная, что дело её - утверждать, и производили они это без когтей демонстраций и силлогизмов, но лишь силясь углубить, снова передвигая, разбивая мотыгой, извлекая истину из чащи силою отрицания всех видов и предикатов, как доступных пониманию, так и тайных.

Здесь шел Платон, то переворачивая, то выкорчевывая, то воздвигая преграды; потому что виды переходящие и убегающие оставались точно в сетях и удерживались преградой определений, поскольку высшие вещи рассматривались в их участии и отраженное в вещах низших, а эти - в тех, но в большем достоинстве и превосходстве; тогда как истина считалась находящейся в тех и в других вещах, соответственно известной аналогии, порядку и ступенчатости, с какими низшее высшего порядка всегда сочетается с высшим низшего порядка. Таким-то образом существует прогресс от низшего в природе к высшему, как от зла к благу, от тьмы к свету, от чистой возможности к чистому действию через посредствующие.

Там хвалился Аристотель тем, что по отпечатлевшимся признакам и следам он может добраться до желанной добычи, когда от следствий хочет довести себя до причин; тогда как в действительности он гораздо больше, многое большее, чем все другие, занимавшиеся изучением такой охоты, ошибался на этом пути, почти не умея различать следы".

Итак, Бруно считает, что от следствий не всегда можно добраться до причин. Но какой же путь из перечисленных верный? Собственная его теория формируется как магическое искусство понимания и изменения всего мира с помощью моделей (ведь что такое, например, **веполь** - как не магическое вопрошание о решении?). Надо сказать, что Бруно определял магов как людей, пытающихся поставить себе на службу силы внешнего мира с помощью знания неких закономерностей этого мира.

Описанием используемых им моделей мы займемся при рассмотрении доктрины Раймунда Луллия.

Новый образ человека ищащего истину

В попытках приблизиться к идеалу, Бруно находит принципиально новый образ человека, ищащего истину. Он считает, что собирать знания, укладывая собранное в хранилища можно только в том случае, когда они незначительны, непринципиальны, соответствуют ранее созданным моделям. Если же новое знание велико и принципиально отличается от ранее известного, оно выбирает в себя охотника, делает его частью себя. (Так, в наше время многие из тех, кто нашел новое для себя знание о методах решения задач, остались внутри найденного).

"Итак, из числа тех многих, которые ходят как названными, так и иными путями по этому пустынному лесу, лишь очень немногие добираются до источника Дианы. Многие остаются довольными охотой на лесного и прочего малооцененного зверя, большая же часть вовсе не умеет вести лов, обладая сетями, раздуваемыми ветром, и потому остается с руками, полными мух. А самые редкие, скажу я, это - Актеоны, которым дана судьбой возможность созерцать Диану нагой и стать настолько очарованными прекрасным телосложением природы и настолько руководимыми теми двумя светочами-близнецами - сиянием божественного блага и красоты, - что они превращаются в оленя, так как становятся уже не охотниками, но преследуемой дичью. Поэтому в самом конце и в заключение этой охоты они приходят к обладанию той ускользающей и дикой добычей, из-за которой добытчик становится добычей, а охотник должен стать объектом охоты; поэтому во всех других видах охоты, которая ведется за частными объектами, охотнику удается поймать себе разные вещи, поглощая их устами собственного ума; но в охоте божественной и универсальной он развертывает такой охват, что и сам, по необходимости, становится охваченным, поглощенным, присоединенным".

"...он более не видит свою Диану как бы через отверстия и окна, но видит стены поваленными на землю, а перед своими глазами - весь горизонт. Отсюда выходит, что на все он смотрит как на единое и перестает видеть при помощи различий и чисел, которые, соответственно разнообразию чувств, точно через разные щели, позволяли смутно видеть и воспринимать".

Итак, растворившись в предмете своих поисков, человек сможет находить новое не постепенно, не "через отверстия и окна", но видя сразу "весь горизонт". Человек должен перестать видеть окружающее "при помощи различий".

Зачем человеку нужна изобретательность? Только ли о поэтическом искусстве идет здесь речь? Нет, Бруно удивительно точно для своего времени понимает, в чем таится основное преимущество мыслящего существа.

"Боги одарили человека умом и руками, сотворив его по своему образу и подобию и одарив способностями свыше всех животных; способности эти состоят не только в том, чтобы действовать сообразно природе и ее порядкам, но, кроме того, вне законов природы; то есть образовывать или быть в состоянии образовывать иную природу, иное направление, иные порядки своим умом, той самой свободой, без которой нечего было бы и говорить о подобии и тем самым сохранять себя земным богом".

Любопытно, правда? Человек предназначен образовывать иную природу... иные порядки. Основной ресурс при этом - свобода. (Собственно говоря, все методы решения проблем - своеобразные технологии использования этого ресурса).

"Когда между людьми вследствие соревнования к божественным делам и увлечения духовными чувствами родились трудности, возникла нужда: тогда обострились умы, были открыты ремесла, изобретены искусства; и все время со дня на день вследствие нужды из глубины человеческого ума восходили все новые и чудесные открытия".

"Умственная сила никогда не успокоится, никогда не остановится на познанной истине, но все время будет идти вперед и дальше, к непознанной истине. Так, воля, которая устремляется к познанию, никогда, как видим, не удовлетворяется оконченным делом. Отсюда следует, что сущность души связана только с одним пределом: с источником своей субстанции и целостности. Затем при помощи сил природы, которые ее отдают на милость и в управление материю, она идет к тому, чтобы связаться с нею и получить толчок к использованию и передаче кое-чего от своего совершенства низшим вещам, в силу того подобия, которое у нее есть с божеством".

Эта схема нам уже встречалась. Душа, связанная с Абсолютом, неуклонно стремится к нему, открывая все новые и новые истины. Но так как душа связана через человека еще и с материей, открытые истины удается реализовать, использовать в реальном мире. Здесь виден подход, основанный на моделях, как на идеальностях, вносимых в мир.

Стандартно применяемые процедуры освоения нового не устраивают, их список надо дополнить:

"Ведь для созерцания божественного необходимо открыть себе глаза при помощи фигур, уподоблений и прочих оснований, которые называются у перипатетиков фантазмами, или же посредством созерцания сущности, идя от следствия к познанию причин; но эти средства настолько же неудовлетворительны и бесполезны для достижения означенной цели, что скорее надо видеть в них препятствия... Эти два способа, хотя они и различны в познании умственном и в видении глазами, все же всегда соревнуются в одном: в познании рациональном, или интеллектуальном".

Итак, стандартные пути: Фантазмы - видение "при помощи аналогий и загадок, так как мы видим не истинные следствия и истинные виды вещей, или субстанцию идей, но тени, следы и подобия их", и логика - движение от следствия к причинам. Бруно считает оба пути бесперспективными в той большой охоте, которую он разворачивает. Им найден третий путь, через "открытое видение" - уже описанное ранее познание "всего и сразу" в рамках единого акта.

"Однако при посредстве открытого видения, которое проникает и сознает, что проникает, дух, подобный тому или лучшему, чем тот, о котором плачет Платон, желая выйти из пещеры не через отражение, а через непосредственное обращение, может снова увидеть свой свет".

Естественно, что технология подобного открытого видения не нашла отражения в дошедших до нас материалах... Однако вызывает уважение то упорство, с которым великие мистики всех времен говорят о подобном пути постижения мира.

Большое внимание уделял Бруно формированию перечня качеств, которыми должен обладать человек, поставивший себе задачу найти Истину. Первоначально эпизодическая, эта тема постепенно становится доминирующей в его произведениях. Ей целиком посвящены две наиболее значительных книги его Английского цикла: "Изгнание торжествующего зверя" и "О героическом энтузиазме".

"О Героическом энтузиазме" - книга, посвященная описанию того, как двигаться к высокой Истине. И естественно, что в здесь показываются и качества, необходимые для такого рода поиска.

"Здесь показывается, как воля пробуждается, направляется, движется и руководится сознанием, и взаимно: как сознание возбуждается, формируется и оживляется волею; так что идет впереди то одно, то другое. Здесь рождается сомнение насчет того, что имеет большую значимость: интеллект, или вообще познавательная способность, или акт познания, или же воля, или вообще способность желать, или даже страсть; и можно ли любить сильнее, нежели понимать; а также означает ли, что все то, что в известной мере желаемо, вместе с тем в той же мере и познаемо или же наоборот, в силу чего принято звать желание познанием, как мы это видим у перипатетиков, учение которых нас воспитывало и питало в юности и которое называют познанием; все это, начиная с желания возможного и естественного действия, откуда все следствия, цели и средства, начало, причины и элементы делят на начально, средне и окончательно известные по их природе, в которых участвуют, в конце концов, совместно и желание и познание. Здесь предполагается бесконечное могущество материи и помочь действию, которое не дает оставаться этому лишь пустой возможностью".

Интересен образ "бесконечного могущества материи" как "пустой возможности", которая реализуется на практике через "помощь действия". Это ли не практический манифест использования сил природы человеческим разумом?

Качества, необходимые человеку, делающему высокое дело ("героическому энтузиасту"):

"Итак, мы делаем заключение, что если кто ищет истинное, тот должен подняться выше мыслей о телесных вещах. Кроме того, надо иметь в виду, что все пытающиеся имеет некоторую мысль и природную память о своей пище и всегда (в особенности, когда в этом существует необходимость) имеет в наличии подобие и вид её, тем более возвышенные, чем более высоким и славным является тот, кто стремится, и то, что ищется. Оттого что каждый ведь имеет врожденное понимание тех вещей, которые связаны с сохранением индивида и вида и, кроме того, с целевым совершенствованием, от этого и зависит мастерство в отыскании своей пищи при помощи того или иного вида охоты".

Контроль за временем. Начинать нужно, конечно, с самого простого.

"Очень важно, конечно, что время, которого может не хватить нам на необходимое дело, как бы внимательно мы это время не берегли, большую частью затрачивается на вещи поверхностные, то есть низкие и постыдные".

Но для высоких дел, естественно, требуется полная концентрация и уединение.

"Если ты стремишься к высокому сиянию, то замкнись, насколько можешь, в одиночестве, соберись, насколько можешь, в себе самом так, чтобы не быть подобным многим, поскольку они - многие; и не будь врагом многих из - за того, что они не подобны тебе..."

"Благородные умы... на низкие и постыдные дела не должны терять времени, быстрота которого бесконечна; ведь поражающее стремительно протекает настоящее и с той же скоростью приближается будущее. То, что прожито - уже ничто, то, что переживаем сейчас, мгновение; то, что будет пережито, еще не мгновение, но может стать мгновением..."

Воистину, "есть только миг между прошлым и будущим" и истина эта заново осознается каждым поколением!

В рамках заданного идеала творца, Бруно проповедует идею неизменности, сохранения себя.

"Ведь мудрый не меняется каждый месяц, тогда как глупый меняется как луна".

Это можно обеспечить, если человек *"остается столь же твердым и устойчивым против северных бурь и зимних непогод в силу собственной устойчивости на своей планете, на которой он коренится как ... дерево с его обильными корнями, переплетающимися с венами земли"*.

Отсюда и путь к обеспечению "совершенства стойкости"

"Оно не в том, что дерево не рушится, не ломается или не гнется, но в том, что оно избегает движения; подобно дереву и Энтузиаст устремляет дух, чувство и интеллект туда, где нет буйных ударов".

И в то же время человек должен постоянно меняться, борясь с собственным незнанием, с собственной слепотой.

"Тот вдвойне слеп, кто не видит своей слепоты; в том и состоит отличие прозорливо - прилежных людей от невежественных ленивцев; такие лентяи погружены в летаргию из - за отсутствия суждения о своем невидении, а изучающие предусмотрительны, бодрствуют и благоразумно судят о совей слепоте, и потому они пребывают в процессе исследования и стоят у дверей приобретения света..."

Бруно подробно разбирает возможные типы интеллектуальной слепоты.

Важное качество человека, ищущего новое - бесстрашие.

"Посмотри на результаты боязни зла, - они хуже самого зла!. Страх смерти хуже, чем сама смерть... Что может быть глупее, чем мучиться из - за отсутствующего будущего, присутствие которого еще и не чувствуется?"

Бруно развивает тему преодоления страха.

"То, что вы называете переносить, есть часть твердости, а не вся добродетель, которую я называю переносить силою. А Эпикур называл не чувствовать. Эта нечувствительность имеет причиной то, что все охвачено заботой о добродетели, об истинном благе и о счастье".

Поглощенность делом не оставляет места для забот об ином. Это позволяет не бороться со страхом, а не ощущать его. Эта же "техника" может использоваться и для преодоления иных слабостей – например, зависти, усталости.

И еще - обязательно доводить дело до результата.

"Почему крепость, которая не может выдержать испытания, падает и великодушие, которое не может победить, ничтожно, равно как и тщетно усилие без плода?"

Основной инструмент для этого - воля. Это капитан, управляющий при помощи разума страстями.

"Звуком трубы он созывает всех воинов, вызывает все силы или проявления этих сил... и старается организовать их под единым знаменем определенной цели".

В "Изгнании торжествующего зверя" ставится глобальная задача изменения всей природы человека. И это уже не отдельный исследователь, а вообще все люди. Человек в книге сравнивается с Юпитером - центральным божеством греков. Юпитер занимается своеобразной перестройкой - себя и всего небесного свода - тех звезд, под которыми протекает жизнь. Бруно смешает практически все созвездия, возвещая новые ценности.

"Сбросим прочь с нашей души Медведицу безобразия, Стрелу развлечения, Конька легкомыслия, Большого Пса ворчания... Если мы, о боги, очистим наше обиталище, если так мы обновим наше небо, то обновятся созвездия и влияния, обновятся внушения, обновятся судьбы, ибо от сего горного мира зависит все, а противоположные причины производят противоположные действия".

Рассмотрим некоторые, наиболее любопытные предложения:

"Там где изгибается и извивается Дракон, там в соседстве с Истиной располагаются Благоразумие со своими подругами - Диалектикой и Метафизикой... А прогоняют с этого места Случайность, Непредусмотрительность, Случай, Нерадивость..."

Любопытно, правда? Введением Диалектики изгоняется Непредусмотрительность и Случайность.

Еще:

"У Персея крылатые сандалии плодотворной Мысли и Презрения к обыденному благу; помощниками у него Упорство, Ум, Прилежание, Искусство, Исследование и Старательность; сыновьями он признает Изобретение и Приобретение..."

Еще интересный момент - Юпитер, одаривая муз, вручает четвертой из них, Логике, дар "для упорядочения способности изобретения и суждения".

Всего модифицируются, расставляются сорок восемь элементов астрологической карты и на основании этих изменений строится новое понимание целей и задач человека, новая этика. Это уже не просто перечень качеств, требуемых для достижения конкретной цели, но комплексная программа по совершенствованию человеческой природы. У Бруно астрология, магическое искусство смыкаются с этим "моральным кодексом". (Подобно героям Стругацких, размышляющим над тем, как заставить целый народ мгновенно стать лучше и обсуждающим в этой связи идею спутниковых гипноизлучателей, Бруно решил изменить звезды, предопределяющие жизнь и поведение человека).

"Дозволь, о Юпитер, познать им собственные силы и направить свои стремления на высшие дела, тогда они будут уже не людьми, а богами".

Но верил ли сам автор в эти планы? С помощью каких ресурсов он планировал достичь поставленных целей? Неужели Бруно изменяет своему кredo - творчество должно быть практически реализуемым? - и мы имеем здесь пример чистого творчества, предельного утопизма? Нет, здесь имеется план - грандиозный план, приведший автора на костер.

Главное, последнее дело философа

В "Изгнании торжествующего зверя" возникает тема апологетики того, что стало главным, последним делом философа. Человек накапливает, синтезирует все, что проходит через него. Знания Востока, наследство античности, Луллий с его классификацией мира, переходящей в магию и предельный мистицизм - все это слилось у Бруно в единой идее интеллигibleльного Солнца, излучающего не просто свет, но свет Истины. Приближение к Истине - это познание все более полных моделей мира. Бруно и раньше говорил о том, что человек, изучающий мнемотехнику по методу Луллия не просто совершенствует память, но совершенствуется целиком, так как весь становится ближе к тому предельному, что царит над всем. Идеалом мудреца для Бруно становится Гермес Трисмегист. Наконец наступил момент синтеза или озарения, он сам становится тем Актеоном, о котором писал и с этого момента путь к трагическому финалу практически предопределен.

Джордано Бруно поставил перед собой задачу, которую за всю свою историю человечество смогло решить только несколько раз - создание и внедрение новой религии. Вернее, религию предполагалось ввести старую, настолько старую, что сами основы ее были практически забыты вместе с народом, который ее исповедовал. К такой неожиданной идее священника Джордано Бруно подтолкнули размышления. Сопоставление духовных сокровищ античного мира, широким потоком вновь входящих в мир после тысячелетнего забвения, с успехами современных Бруно ученых, привело к появлению грандиозного вывода - необходимости вернуться назад, в античность, а лучше бы еще глубже, в Древний Египет, то есть туда, где были созданы все эти великолепные манускрипты, открыты и начертаны все эти скрижали древней мудрости...

Вернуться - то есть восстановить принятые в древности обряды, античных богов, за которыми в пределе выглядывает религия Египта и его магическое искусство - поклонение Солнцу, в котором Бруно усматривал поклонение свету истинного Интеллекта, общего разума Вселенной. Бруно не знал о трагической судьбе Аменхотепа - фараона, пытавшегося ввести в Египте эту религию. Но конечно, и это знание ничего бы не изменило...

Но почему вообще возникла подобная идея?

Шестнадцатый век - это не только эпоха Возрождения, но и его закат. Это появление и укрепление ордена иезуитов, развитие святой инквизиции. Это жестокая и часто кровавая борьба между многочисленными направления христианской церкви (достаточно вспомнить Варфоломеевскую ночь, но сколько их еще было, подобных ночей...). Скитаясь по странам Европы Бруно нигде не мог найти себе постоянного пристанища.

"Мудрость и справедливость впервые начали покидать землю, когда секты стали превращать мнения в источник доходов. Тогда за мнения партий начали бороться словно за собственную жизнь или за жизнь своих детей, вплоть до окончательного истребления противников".

Поэтому стремление добраться до истоков, до основ жизненно важно.

"Если бы от природы было известно различие между светом и мраком, прекратилась бы древняя борьба мнений, в которой целый ряд поколений стремился истребить друг друга; причем люди, воздевая руки к небу, заявляли, что только они обладают истиной и веруют в Бога, который, будучи отцом и подателем вечной жизни для одних людей, выступает против их противников как неумолимый, мстительный, карающий вечной смертью судия. Поэтому - то и происходит, что различные расы и sectы человечества имеют свои особые культуры и учения и предъявляют свои претензии на первенство, проклиная культуры и учения остальных".

"Как же недостойно, глупо, невежественно и кощунственно думать, что боги ищут уважения, страха, любви, служения, и почтения от людей ради другой какой цели и пользы, как не для самих же людей; ибо, будучи славнейшими в себе, так что извне ничего нельзя прибавить к их славе, боги установили законы не для своей славы. Но для того, чтобы сообщить славу людям".

И потому нужна новая религия. Вселенная Бруно начинается с высшего "начала", в причины всего, с сверхразума.

"Разум, дающий жизнь всему... Это Тимей, дающий формы; Душа, как формальное начало, названная... источником форм; материя, из которой творится и формуется любая вещь - хранилище форм".

Идея единого божества, Солнца, излучающего интеллект, мудрость, истину обосновывалась Бруно с помощью разных средств. Большой поддержкой он считал открытие Коперника - то, что солнце становилось в центр системы, как нельзя более соответствовало идеям самого Бруно.

Детальное описание особенностей предлагаемой религии не входит в наши задачи. Интерес представляет проследить особенности работы Бруно как методолога. Так, очень интересно, глубоко и изощренно построена у Бруно система обоснования магических культов египтян. Обоснование рассчитано именно на понимание, на внедрение через логику.

"мы, боги, желаем, чтобы люди слушали и понимали нас не в звуках тех наречий, какие они, люди, измыслили, но в звуках явлений природы, так и египтяне хотели достичь того, чтобы мы их понимали, посредством обрядовых действий над вещами природы... Эти мудрецы знали, что Бог находится в вещах, и что божественность скрытая в природе, проявлялась и сверкая по разному в разных предметах и посредством различных физических форм, приобщает их всех к себе в известном порядке, приобщает, говорю, к своему бытию, разуму жизни. Поэтому - то, конечно, сообразно с тем, какого рода и сколько даров желали для себя, египтяне различным образом подготовлялись к принятию их".

"Смотри же, как простое божество, которое находится во всех вещах, плодоносная природа, мать - хранительница вселенной сообразно различным своим проявлениям отображается в различных предметах и принимает различные имена... поэтому те, кто наверняка хочет получить от Бога помочь, должны приближаться к нему сообразно своей потребности установленным путем; все равно как тот, кто хочет хлеба, идет к пекарю; кто желает вина - к виноторговцу; кому нужны фрукты - к садовнику; кому учение - к учителю, и так далее во всем прочем".

Говоря о разнообразии этих имен, Бруно разворачивает краткий очерк той системы, которую построил Раймунд Луллий - системы частей, цветов, свойств, характеров, символов, изображений... И далее:

"Для всего этого, конечно, необходимы та мудрость и суждение, то искусство, деятельность и пользование духовным светом, каковые духовное солнце открывает миру в иные времена большие, в иные - меньшие. Вот этот обряд и называется Магией: и поскольку занимается сверхъестественными началами, она божественна, а поскольку наблюдением природы, доискиваясь ее тайн - она естественна, срединной и математической называется, поскольку исследует силы и способности души...".

Бруно строит и образ Вселенной.

"Итак, вселенная едина, бесконечна, неподвижна. Единая абсолютная возможность, единое действие, единая форма, или душа, единая материя, или тело, единая веять, единое существо, единое максимальное и наилучшее; которое недоступно пониманию; она не может иметь границ и конца и потому безгранична и бесконечна, и вследствие этого неподвижна. Она не перемещается в пространстве, ибо не имеет вне себя ничего, к чему она могла бы переместиться, потому что она - все... Она недоступна постижению, ибо она не больше себя... Это род термина, не являющегося термином, форма, которая не является формой, такая материя, которая уже не материя, и такая душа, которая, скорее, не душа: потому что это - неразличимое все, и вселенная есть единое".

Образ любопытный и сегодня. Интерес, например, представляет тезис о том, что вселенная "недоступна постижению, ибо она не больше себя". Так ярко и точно сформулировать идею теоремы Геделя удается не каждому. Вообще, у Бруно повсеместно разбросаны элементы, интересные представителям различных наук. То он начинает сравнивать мифы различных народов, убедительно показывая, что обилие совпадений говорит о том, что в их основе лежит один исторический факт, то развивает представление Бога в виде "сферы с центром повсюду и без периферии". Это было очень важным следствием, так как Бог, находящийся всюду, находится и в человеке.

"Итак, приступай и поймешь, где находятся Природа и Бог, ибо там же находятся причины вещей, сила начал, жребий элементов, семена возникающих вещей, формы - прообразы, активная возможность, все открывающая и прославленная под именем первой субстанции. Она же есть материя, пассивная возможность, подлежащая, пребывающая и присутствующая, приходящая почти всегда к единому. Ибо не существует как бы нисходящего свыше подателя форм, который бы извне образовывал вещи и давал им порядок".

Творить формы - задача человека.

А сделанный им из представления о бесконечной вселенной вывод о существовании бесконечного количества миров со своими солнцами и планетами (конечно же заселенными разумными жителями) становится визитной карточкой философа на все последующие времена.

Конечно, этот тезис, также как и иные, был отвергнут Католической Церковью. Но Бруно был готов к этому.

"...у тех, кто является любимцем небес, самые большие горести превращаются в столь же великие блага; потому что нужда порождает утомления и усилия, а это чаще всего приводит к славе бессмертного сияния.

*...И смерть в одном веке дает им жизнь во всех последующих веках".
Так чист костер, зажженный красотою,
Так нежны путы, вяжущие честь,
Что боль и рабство мне отрадно несть,*

*И ветер воли не манит мечтою.
Я цел в огне и плотью и душою,
Узлы силков готов я превознести,
Не страшен страх, в мученьях сладость есть,
Аркан мне мил, и радуюсь я зною.
Так дорог мне костер, что жжет меня,
Так хороши силков моих плетенья,
Что эта мысль сильней, чем все стремлења.
Для сердца нет прелестнее огня,
Изящных уз желанье рвать не смеет,
Так прочь же, тень! И пусть мой пепел тлеет!*

* * *

Статья впервые опубликована: <http://metodolog.ru/00035/00035.html>

<http://www.trizland.ru>